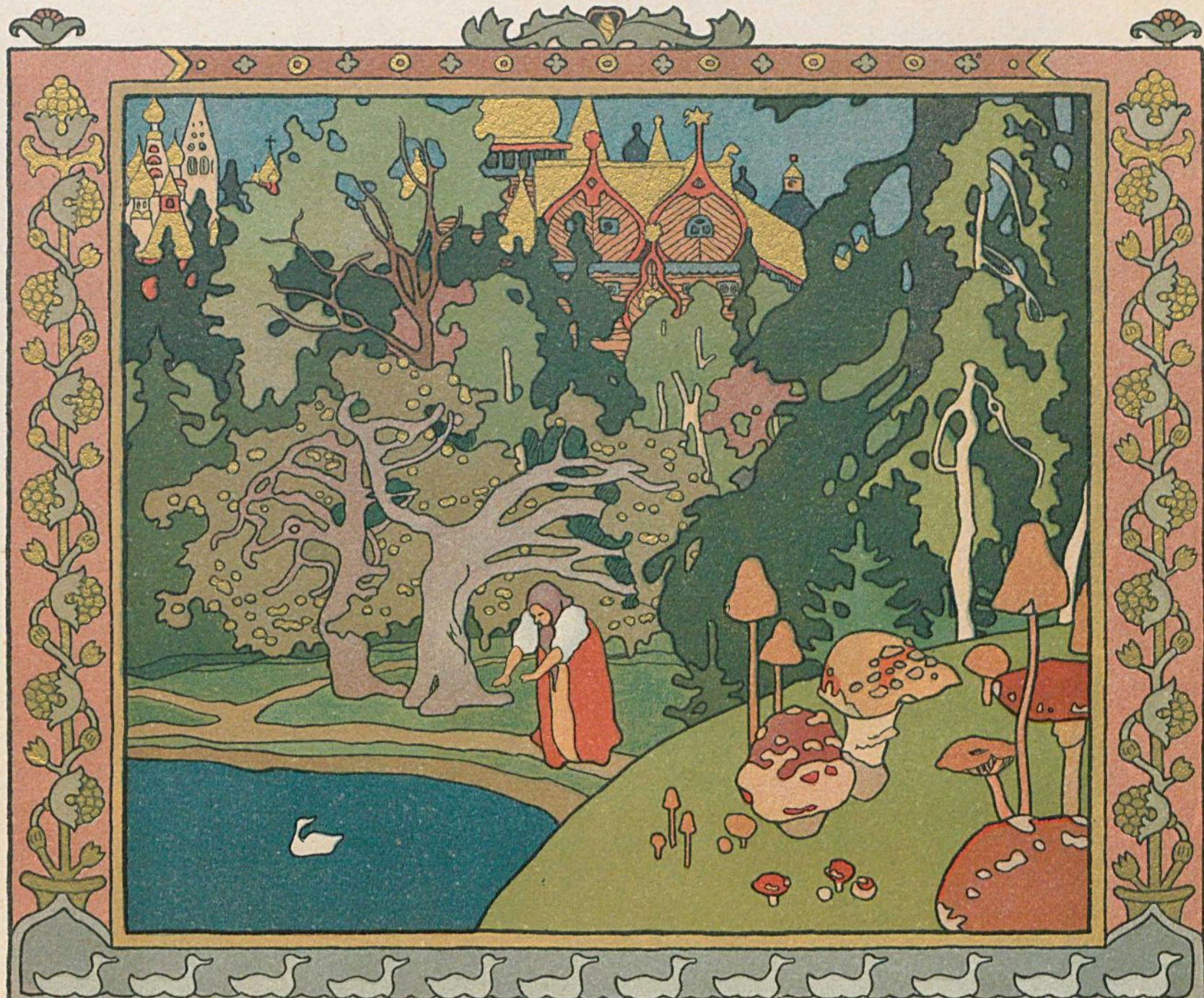
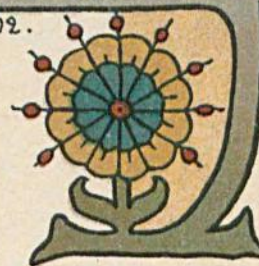

И. Б. 1902.

Бѣлаѣ Ѹточка •

Одинъ князь женился на прекрасной княжнѣ и не успѣлъ еще на нее наглядѣться, не успѣлъ съ нею наговориться, не успѣлъ ея послушаться, а ужъ надо было имъ разставаться, надо было ему ѣхать въ дальній путь, покидать жену на чужихъ рукахъ. Что дѣлать! говорятъ, вѣкъ, обнявшись, не просидѣть.

Много плакала княгиня, много князь ее уговаривалъ, заповѣдывалъ не покидать высока терема, не ходить на бесѣду, съ дурными людьми не вата-

житья, худыхъ рѣчей не слушаться. Княгиня обѣщала все исполнить. Князь уѣхалъ; она заперлась въ своемъ покое и не выходитъ.

Долго ли, коротко ли, пришла къ ней женщина, казалось, такая простая, сердечная!— „Что“, говоритъ, „ты скучаешь? хоть бы на Божій свѣтъ поглядѣла, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила“.

Долго княгиня отговаривалась, не хотѣла, наконецъ, подумала:— по саду походить не бѣда, и пошла.

Въ саду разливалась ключевая хрустальная вода. „Что“, говоритъ женщина, „день такой жаркой, солнце палитъ, а водица студеная—такъ и плещетъ; не скупаться ли намъ здѣсь?“— „Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!“— а тамъ подумала:— вѣдь скупаться не бѣда! скинула сарафанчикъ и прыгнула въ воду.

Только окунулась, женщина ударила ее по спинѣ. „Плыви ты“, говоритъ, „бѣлою уточкой!“ и поплыла княгиня бѣлою уточкой.

Вѣдьма тотчасъ нарядилась въ ея платье, убралась, намалевалась и сѣла ожидать князя. Только щенокъ вякнулъ, колокольчикъ звякнулъ, она ужъ бѣжитъ навстрѣчу, бросилась къ князю, цѣлуетъ, милуетъ. Онъ обрадовался, самъ руки потянулъ и не распозналъ ея.

А бѣлая уточка нанесла яичекъ, вывела дѣточекъ, двухъ хорошихъ, а третьяго заморужка, и дѣточки ея вышли—ребяточки; она ихъ вырастила, стали они по рѣченькѣ ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники шивать, да выскакивать на бережокъ, да поглядывать на лужокъ.

„Охъ, не ходите туда, дѣти!“ говорила мать. Дѣти не слушали; нынче поиграютъ на травкѣ, завтра побѣгають по муравкѣ, дальше-дальше, и забрались на княжій дворъ. Вѣдьма чутьемъ ихъ узнала, зубами заскрипѣла; вотъ она позвала дѣточекъ, накормила, напоила и спать уложила, а тамъ велѣла разложить огня, навѣсить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули—а заморужка, чтобъ не застудить, приказала мать въ пазушкѣ носить—заморужекъ-то и не спитъ, все слышитъ, все видитъ.

Ночью пришла вѣдьма подъ дверь и спрашиваетъ: „Спите вы, дѣтки, или нѣтъ?“ Заморужекъ отвѣчаетъ: „Мы спимъ-не спимъ, думу думаемъ, что хотятъ насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы высятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!“ „Не спятъ!“ Вѣдьма ушла, походила, походила, опять подъ дверь: „Спите, дѣтки, или нѣтъ?“ Заморужекъ опять говоритъ то же: „Мы спимъ-не спимъ, думу думаемъ, что хотятъ насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы высятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!“

Что же это все одинъ голосъ? подумала вѣдьма, отворила потихоньку дверь, видитъ: оба брата спятъ крѣпкимъ сномъ, тотчасъ обвела ихъ мертвой рукой—и они померли.

Путру бѣлая уточка зоветъ дѣтокъ; дѣтки нейдутъ. Зачуяло ея сердце, встрепелась она и полетѣла на княжій дворъ.

Н. БИЛБИНЪ. 1902.

На княжьемъ дворѣ бѣлы, какъ платочки, холодны, какъ пласточки, лежали братцы рядушкомъ. Кинулась она къ нимъ, бросилась, крылушки распустила, дѣточекъ обхватила и материнскимъ голосомъ завопила:

„Кря, кря, мои дѣточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой васъ выхаживала,
Я слезой васъ выпаивала,
Темну ночь не досыпала,
Сладокъ кусъ не доѣдала!“

„Жена, слышишь небывалое? утка приговариваетъ“. — „Это тебѣ такъ чудится! велите утку со двора прогнать!“ Ее прогонять, она облетитъ да опять къ дѣткамъ:

„Кря, кря, мои дѣточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила васъ вѣдьма старая,
Вѣдьма старая, змѣя лютая,
Змѣя лютая, подколодная;
Отняла у васъ отца роднаго,
Отца роднаго — моего мужа,
Потопила насъ въ быстрой рѣченькѣ,
Обратила насъ въ бѣлыхъ уточекъ,
А сама живетъ — величается!“

„Бге!“ подумалъ князь и закричалъ: „Поймите мнѣ бѣлую уточку!“ Бросились все, а бѣлая уточка летаетъ и никому не дается; выбѣжалъ князь самъ, она къ нему на руки пала.

Взялъ онъ ее за крылушко, а она стала оборачиваться разными гадами. Князь не пугается, изъ рукъ ее не пускаетъ.... Вотъ, наконецъ, она веретеномъ обратилась; князь переломилъ веретено на-двое, одинъ конецъ бросилъ впередъ, а другой назадъ и говорить: „Стань бѣлая береза у меня назади, а красная дѣвица впереди!“

Бѣлая береза вытянулась у него позади, а красная дѣвица стала впереди, и въ красной дѣвицѣ князь узналъ свою молодую княгиню. Увидала княгиня, что дѣтки ея лежатъ рядушкомъ бѣлы, какъ платочки, холодны, какъ пласточки, и залилась горячими слезами:

„Мои дѣточки, голубяточки,
Я нуждой васъ выхаживала,
Я слезой васъ выпаивала,
Погубила васъ вѣдьма старая,
Вѣдьма старая, змѣя лютая,
Змѣя лютая подколодная!“

На княгиню глядя, заплакалъ и князь и велѣлъ позвать вѣдьму и приказалъ ей оживить своихъ дѣтокъ.

Осердилась вѣдьма, зубами заскрипѣла, да видитъ, дѣлать нечего, и сказала, чтобы тотчасъ поймали сороку, подвязали ей два пузыря, велѣли въ одинъ набрать воды живящей, въ другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули дѣтокъ живящею водою — они вострепнулись, сбрызнули говорящею — они заговорили. И стала у князя цѣлая семья, и стали всѣ жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А вѣдьму привязали къ лошадиному хвосту, размыкали по полю: гдѣ оторвалась нога — тамъ стала қочерга, гдѣ рука — тамъ грабли, гдѣ голова — тамъ кусть да қолада: налетѣли птицы — мясо поклевали, поднялися вѣтры — кости разметали, и не осталось отъ нея ни слѣда, ни памяти.

